

МИР ЧЕЛОВЕКА НА ГРАНЯХ ЯЗЫКА

*МЕЖДУНАРОДНЫЙ СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
ПО ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ*

САМАРА
2013

Печатается по решению Редакционно-издательского совета Самарской гуманитарной академии

Рецензенты:

доктор филологических наук, доцент
Рафаэла Вожич (Хорватия)

доктор филологических наук, профессор
Елена Алещенко (Россия)

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук, доцент **С. П. Турняк** (Украина),

доктор филологических наук, профессор **В. В. Михайленко** (Украина),

доктор филологических наук, профессор **М. В. Радченко** (Россия-Хорватия),

доктор филологических наук, профессор **Ю. В. Сложеникина** (Россия),

доктор филологических наук, профессор **Е. Е. Стефанский**, *отв. редактор* (Россия).

Мир человека на границах языка : международ. сб. науч. тр. по лингво-культурологии / под ред. Е. Е. Стефанского. — Самара : Самар. гуманитар. акад., 2013. — 182 с.

ISBN 978-5-98996-136-8

В сборнике представлены статьи, исследующие общегуманитарные проблемы сквозь призму языка и культуры. Анализируя различные типы дискурса, рассматривая культурные коды, вербализовавшиеся в разных языках, обсуждая вопросы языковых контактов, проблемы языковой игры, исследуя сходства и различия языковых форм, авторы сборника в конечном счете выходят на такие методологические проблемы, как картина мира в сознании и в языке, отражение в языке древнейших ментальных структур, взаимодействие и взаимообогащение языков и культур.

Исследования выполнены учеными из России, Украины, Польши, Латвии, Молдовы, Хорватии, Германии. Авторы статей представляют целый ряд научных школ и 17 научных и учебных учреждений.

УДК 81'42
ББК 81

ISBN 978-5-98996-136-8

© НОУ ВПО «СГА», 2013

Самарская гуманитарная академия представляет очередной, восьмой, сборник по лингвокультурологии¹, включающий исследования постоянно обновляющегося международного коллектива авторов.

Активно развиваясь в рамках антропологической парадигмы лингвистики XXI века, это научное направление заставляет осмыслить языковые явления в тесной связи с культурой и человеком как ее носителем. Развитие лингвокультурологии во многом способствовали бурные перемены в нашей стране и мире, произошедшие на переломе двух тысячелетий. Именно поэтому для лингвокультурологии исчезли как запретные темы, так и «незаслуженные» источники. Ей интересно всё, где бурлит жизнь, а привычные языковые факты, осмысленные с точки зрения человека — носителя культуры, начинают играть совершенно неожиданными играми.

Именно лингвокультурный подход к форме и семантике языка делает такого рода исследования интересными не только для лингвистов, вписывая языковедческую проблематику в общие проблемы гуманитарных наук. Этим и определяется актуальность статей, включенных в сборник. Методологически объединяя достаточно разнообразные по тематике исследования, включенные в сборник, данный подход позволяет авторам выйти на такие мировоззренческие проблемы, как картина мира в сознании и в языке, отражение в языке древнейших ментальных структур, взаимодействие и взаимообогащение языков и культур.

Большую группу исследований составляет лингвокультурологический анализ различных типов дискурса. Объектом интереса авторов сборника оказывается фольклорный дискурс (см. исследования М. Пименовой и Б. Барчот), семейный дискурс (см. статьи А. Гупол и О. Коропечкой), различные роды и жанры художественного дискурса (см. работы Л. Прокопович, Т. Коропечкиной, В. Михайленко, К. Холоповой и Т. Орловой), эпистолярный дискурс (см. статью Т. Акимовой).

Применяя различную методологию, авторы сборника стремятся выявить национально-специфичную технику или иные культурных концептов и языковых единиц. Так, рассматривая польский концепт «HONOR» 'честь', М. Жежак использует *метод когнитивной дефиниции*, разработанной люблинской школой профессора Е. Барминьского. *Через анализ семантики обряда Jizda kralj*, до сих пор сохранившегося в Чехии, Е. Стефанский исследует глубины подтекста в романе М. Кундеры «Шутка» и специфический чешский концепт «ZÁŠŤ» ('отложенный тень', 'загадочная ненависть'). В центре

¹ См.: *Восток — Россия — Запад*. Проблемы межкультурной коммуникации. Международной сборник научных трудов. — Самара : Изд-во СГА, 2004. *Язык — Культура — Сознание*. Международной сборник научных трудов по лингвокультурологии. — Самара : Изд-во СамГУ, 2005. *Концептосфера — дискурс — картина мира*. Международной сборник научных трудов по лингвокультурологии. — Самара : Изд-во СГА, 2006. *Язык на перекрестке культур*. Международной сборник научных трудов по лингвокультурологии. — Самара : Изд-во СГА, 2007. *Картина мира в славянских и романо-германских языках*. Международной сборник научных трудов по лингвокультурологии. — Самара : СГА, 2009; *Европейская ментальность сквозь призму языка*. Международной сборник научных трудов по лингвокультурологии. — Самара : Изд-во СГА, 2010. *Категоризация действительности в языке и культуре*. Международной сборник научных трудов по лингвокультурологии. — Самара : Изд-во СГА, 2012. См. также выполненную в рамках тех же методологических подходов коллективную монографию «Славянская концептосфера в сопоставительном освещении. Лексикон» (Самара, 2011).

nicht in allen Fällen. Konstruktionen, wie *mi za zle, mi k ruci, mi ro zkonice*, sind den Lernenden als Spezifika des Tschechischen bewusst zu machen. Die „Sensibilisierung“ für den Gebrauch von ‚haben‘ beginnt für deutsche Sprecher nicht erst beim Erlernen einer ‚sein‘-Sprache, sondern schon im Bereich der ‚haben‘-Sprachen.

ЛИТЕРАТУРА

- Артјунова, N. D.*: Јазуk и мiр љеловека. Москва 1999.
- Вайтман, Н.*: Slawisch-deutscher Sprachkontakt und Sprachmischung (tschechisch-deutsches Areal). In: E. E. Stefanski (Hg.): *Европейскаjа менталност' skvoz' prizmu јазука*. Самара, Самара: гуманит. акад., 2010, 72—77.
- Бекерт Ј., Вилген W.*: Einführung in die Sprachkontaktforschung. Darmstadt 1991.
- Бергер, Т.*: Deutsche Einflüsse auf das grammatische System des Tschechischen. Manuskript. Erscheint in: Hentschel, G. (Hg.): *Deutsch-slawischer Sprachkontakt*. Frankfurt/M.
- Бергер, Т.*: Gibt es Alternativen zur traditionellen Beschreibung der tschechischen Lautgeschichte? In: Eichler, E. (Hg.): *Selecta Bohemica-Germanica. Tschechisch-deutsche Beziehungen im Bereich der Sprache und Kultur*. Münster 2003, 9—37.
- Виндшт, Н.*: Balkanславјаш и јужславјаш. *Zeitschrift für Balkanologie* 3 (1965).
- Филрес, Ј.*: Zur Problematik der Konfrontation des tschechischen und deutschen Wortschatzes. In: Eichler, E. u. a. (Hg.): *Beiträge zur konfrontierenden Sprachwissenschaft*. Halle/Saale 1976, 23—41 (zu den Verben der Bewegung im Tschechischen und Deutschen S. 28 ff.).
- Гигер, М.*: Resultativa im modernen Tschechischen. Bern 2003.
- Насатман, Н.*: Aspekte der Arealtypologie. Tübingen 1976a.
- Насатман, Н.*: Grundzüge der Sprachtypologie. Stuttgart 1976b (zum Inventar der euroräischen Universallen S. 108 ff.).
- Насрелман, М.*: The European linguistic area. Standard Avenue European. In: Nasrallah, M., König, E. (Hg.): *Sprachtypologie und sprachliche Universallen*. 2. Halbband. Berlin/New York 2001, 1492—1510.
- Навјанек В., Фишер К.* (Hg.): *Deutsch-tschechische Beziehungen im Bereich der Sprache und Kultur Aufsätze und Studien*. Berlin 1965.
- Нинрихс, U.* (Hg.): *Handbuch der Eurolinguistik*. Wiesbaden 2010.
- Исаенко, А. V.*: On ‚have-‘ and ‚be-‘langages. In: Fliet, M. S. (Hg.): *Slavic Forum*. The Hague/Paris 1974, 43—77.
- Кönig, E., Nasrallah, M.*: Der euroräische Sprachbund. In: Reiter, N. (Hg.): *Eurolinguistik. Ein Schritt in die Zukunft*. Wiesbaden 1999, 111—127.
- Китзовá, Н.*: Mittel Europa als Sprachareal. In: *Acta Universitatis Carolinae — Philologica* 5, Germanistica Pragensia XIII (1996), 57—73.
- Лампрехт, А.*: Zur Frage der tschechisch-deutschen Sprachkonvergenz. In: *Навјанек/Фишер* 1965, 29—33.
- Некида, М.*: System der Partikeln im Deutschen und Tschechischen. Tübingen 1996.
- Нешерка, S. M.*: Sprachliche Konvergenzprozesse in Mitteleuropa. In: *Pospišil, I.* (Hg.): *Crossroads of Cultures: Central Europe*. Vmо 2002, 211—236.
- Сандбор, М.*: Von *Abend* bis *Zuniger*: Lexikalische Semantik des Deutschen, Tschechischen, Englischen und Französischen im Vergleich. Frankfurt a. M., 2003.
- Skála, E.*: Der deutsch-tschechische Bilingualismus. In: Moser, H. u. a. (Hg.): *Sprache der Gegenwart*. Bd. XII. Sprachwandel und Sprachgeschichtsschreibung. Düsseldorf 1977, 260—279.
- Skála, E.*: Deutsch und Tschechisch im mitteleuropäischen Sprachbund. In: *Berger, M., Kratoch, K.* (Hg.): *Brücken. Neue Folge. Germanistisches Jahrbuch 1991/92*. Berlin/Prag/Praha 1992, 173—179.
- Skála, E.*: Der Bilingualismus in Mitteleuropa: Die deutsch-tschechische Entwicklung. In: *Frank, A. P. u. a.* (Hg.): *Übersetzen, verstehen, Brücken bauen. Geisteswissenschaftliches und literarisches Übersetzen im internationalen Kulturaustausch*. Teil 2. Berlin 1993, 766—774.
- Skála, E.*: Der mitteleuropäische Sprachbund. In: *Schathhorst, J.* (Hg.): *Sprachkultur und Sprachgeschichte*. Frankfurt/M. 2002, 125—133.

Stemenati R., Gutschmidt K.: Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft. Berlin, 1989.

Prost, P.: Deutsch-tschechische Zweisprachigkeit. In: *Навјанек/Фишер* 1965, 21-28

Tybeztzko, N.: Proposition 16. In: *Actes du Premier Congrès International de Linguistes*. Leiden (1928). Reprint Nendeln/Liechtenstein 1972, 17—18.

Мюлр, В. L.: Sprache - Denken - Wirklichkeit. Beiträge zur Metalinguistik und Sprachphilosophie. Reinbek 1994.

Митер В., Гигер М.: Resultativa in den nordslawischen und baltischen Sprachen. München, 2005.

Хольгер Баумин

Чешко-немецкий языковой контакт и конвергенция языков

В статье славянско-немецкий языковой контакт рассматривается на примере контакта между чешским и немецким языками. Различаются последствия языкового контакта актуальные (замена кода) и долгосрочные (смещение языков/заимствование, языковая конвергенция). Особое внимание уделяется явлениям языковой конвергенции (чешский и немецкий языки в составе Центральноевропейского языкового союза/Европейского языкового союза).

Кристиан Льюис

Институт хорватского языка и языкознания (Загреб, Хорватия)

Желька Чэлич

Загребский университет (Загреб, Хорватия)

Ударения в русских фамилиях в хорватском языке

С XIX-го века название *русский* становится одним из наиболее значительных и наиболее распространённых понятий в западной цивилизации. Все достижения в контексте *русский* в XX-м веке достаточно хорошо известны в целом мире, а их носители известны и в хорватском контексте: писатели, литературные герои, композиторы, художники, политики и, позднее, спортсмены. Их достижения связаны с их фамилиями. Принятие мировой цивилизацией их достижений в большей мере одинаково, но восприятие их фамилий в подлинном звуковом и письменном виде не всегда осуществляется одинаковым способом, как, например, в случае хорватского языка.

1. Языковой русско-хорватский контекст

Близкородственное происхождение русского и хорватского языков является основой сходства на различных языковых уровнях. Родственность языков изначально считается положительным фактором, но она может привести и к потенциальным проблемам внедрения элементов одного языка в структуру другого. Ярким примером являются омофонические пары русского и хорватского слов, как, напр., хорв. *život* (*жизнь*) — рус. *живот* (*хорв. tvorh*). Приведённая пара слов характеризуется тождественной комбинацией морфем, т. е. фонем. В обоих языках отгиается ударение. Но самым важным различием, даже проблемой, при изучении русского языка хорватами является часто неблизкое значение слов, имеющих одинаковый план выражения. Сложные взаимоотноше-

нии, возникающие в таких случаях, могут рассматриваться на разных языковых уровнях, а пары слов с такими характеристиками в большинстве случаев мы называем ложными друзьями. Данной проблеме была посвящена докторская диссертация (Levič 2010). В хорватском слове *život* ударение падает на первый слог слева, а в русском слове — на второй. Это дает возможность предположить, что в современных литературных языках существуют различные типы акцентуации как фактор, влияющий на не всегда точно передачу русских слов в хорватском языке. По характеристикам, русское и хорватское ударения в стандартных языках качественно и количественно не совпадают (Porović, Trošinka 1988: 54).

II. Хорватский язык и его три равноправных компонента

В течение истории вообще и в течение истории хорватского языка сложилась условия, когда в основу современного литературного хорватского языка был положен штокавский диалект (Lončarić 1990: 40), хотя кайкавский и чакавский диалекты уже были литературными (Tafta 2011: 45-46). Кайкавский и чакавский диалекты в большей мере уже были стандартизованными (Sojat 2009: 9), характеризовались наличием произведений художественного, лексикографического и просветительного характера. Система ударений, морфемный состав и тип словообразования и кайкавского (Lončarić 1998: 242), и чакавского (Kutlović Vidja 2010: 126) диалектов хорватского языка в значительной мере соответствуют всем приведенным частям русского языка, ср. прагматику кайкавского хорватского языка Игнца Кристиановича, 1837 г.: «Gozrodanī, Gozrodatoč, Gozrodatom, Gozrodate, Gozrodanī, Gozrodanī, Gozrodanī(-ni)» (Knjižničar 1837: 13). Акцентуация в кайкавском диалекте хорватского языка отличается от акцентуационного типа в штокавском диалекте (Lončarić 1990: 46, 80); в определенных наречиях кайкавского диалекта характеристики ударения проявляются сходство с характеристиками русского ударения. В обоих языках отличается ударение. Но самым важным различием, даже проблемой, при изучении русского языка хорватами, является часто неблизкое значение слов, имеющих одинаковый план выражения, проявляющих сходство с характеристиками переноса ударения на основу слова. В штокавском наречии хорватского языка ударение не падает на окончания за исключением некоторых заимствованных слов, ударение которых осуществляется в дублетных формах); существует только заударная долгота в окончаниях родительного падежа единственного числа существительных женского рода (напр. *žena, žena, vóda*), творительного падежа единственного числа существительных женского рода (напр. *ženā, vóda*), а также и в родительном падеже множественного числа всех родов (напр. *ženā, vóda*). Тип акцентуации в современном хорватском литературном языке (и в штокавском диалекте) подразделяется на основе понижения и повышения основного тона и его краткости и долготы. Поэтому в штокавском диалекте и в современном литературном хорватском языке в косвенных падежах (родительном падеже множественного числа) нет нулевого окончания, долгота и краткость указывают на различные отношения между членами предложения. В основе стандартного хорватского языка лежит штокавский диалект с четырьмя типами ударений: краткослогоиднее (а) и долгонисходящее (а), кратковосходящее (а) и долговосходящее (а). Правила акцентуации нарушаются, так как лишь для одной трети хорватов эта основа является родной. Столкнувшись с различными типами словообразования и акцентуации в родном хорватском языке с большой вероятностью влияют и на восприятие русских слов, т. е. на их адаптацию в хорватском языке.

III. Адаптация русских фамилий в хорватском языке

Близкое родство языков может помочь, но и усложнить ситуацию в случаях улоения слов из одного языка в другой — в нашем исследовании это существительные мужского рода, т. е. фамилии, обозначающие лиц мужского пола. Словообразование фамилий в современном русском и хорватском языках осуществляется неодинаковым способом. Русский язык сохранил тип словообразования фамилий с отдельными окончаниями для лиц женского пола. В хорватском языке такой принцип утрачивается, возможно, и под влиянием неславянских народов, владеющих в определенных периоды истории хорватскими землями. Суффиксы, использующиеся для образования фамилий лиц мужского пола, не совпадают друг с другом в русском и в хорватском языках. В хорватском инвентаре суффиксов наиболее продуктивным является суффикс *-ić* (Šimprović 2006: 377, 114), который по-прежнему считается русским (имеется в виду суффикс *-иц*, употребляемый в образовании отчества мужского рода, не в образовании фамилий). Наиболее характерными русскими суффиксами являются *-ов* (Иванов) и *-ин* (Путин); они употребляются в словообразовании фамилий, в меньшей мере, и в хорватском языке, см. фамилии *Martinov, Lisčin*. В русском языке в словообразовании фамилий мужского рода преимущественно применяется принцип выражения притяжательности, и поэтому фамилии образуются при помощи суффиксов и ударений, характерных для имен прилагательных — в их полной форме (Унбегаун 1989: 8, 18). Но, не все русские фамилии образуются по принципу патронимичности (Унбегаун 1989: 19-20). В хорватском языке применяются разные словообразовательные принципы: принципы, обозначающие происхождение, притяжательность, прозвища и т. п. Разнообразие в образовании фамилий и в образовании (притяжательных) имен прилагательных особенно влияет на образование с помощью суффикса *-ск-* и окончания *-иц*, характерных и для фамилий, и для притяжательных имен прилагательных. Различное словообразование фамилий и разные типы акцентуации в русском и хорватском языках затрудняют правильную передачу русских фамилий в хорватский язык.

IV. Закономерности передачи русских фамилий в хорватском языке

На основе репрезентативного корпуса русских фамилий постараемся объяснить перенос подлинного ударения русских фамилий в хорватский язык. Корпус охватывает русских и российских личностей, появившихся в т. ч. и на хорватское восприятие мира. Данной проблеме было посвящено одно из наших исследований (Seić 2008). Корпус подразделим на основе суффиксов и окончаний в морфемном составе русских фамилий, обозначающих лиц мужского пола.

Морфемный состав следующий: 1) суффикс *-ск-* + окончание *-иц* (Мусорский); 2) суффикс *-ов/-ев/-иц*; (Балакирев, Барышников, Булгаков, Герасимов, Годунов, Гончаров, Горбачев, Звягинцев, Иванов, Калашников, Кафельников, Козырев, Корсаков, Крылов, Лавров, Лебедев, Лермонтов, Менделеев, Михайлов, Мологов, Писарев, Попов, Примakov, Радичев, Раскольников, Рахманinov, Салтыков-Щедрин, Татищев, Туполов, Хрущев); 3) суффикс *-ой* (Толстой); 4) суффикс *-ин* (Бахтин, Бородин, Гагарин, Карамзин, Онегин, Печурин, По-тимкин, Салтыков-Щедрин); 5) суффикс *-ов/-ев* + суффикс *-иц* + нулевое окончание (Абрамович, Войнович, Малевич, Ростропович). Корпус охватывает 44 общеизвестные фамилии. Фамилии распределены в пять групп, в зависимости от словообразовательного суффикса. Первое замечание, бросающееся в глаза,

следующее — первая группа с суффиксом *-ск + -ий* и третья с суффиксом *-ой*. Для каждой группы нашлись только один пример. Особенно интересной на первый взгляд является и пятая группа фамилий с суффиксом *-ов + суффикс -и*. Так как этот суффикс является наиболее частотным в образовании хорватских фамилий, может быть, что осуществляется аналогия в переносе русских фамилий, здесь имеем в виду и кроатизованную транслитерацию фамилии *Абрамович* (речь идет о Романе Абрамовиче, владельце футбольного клуба): «Рођећно је зајгати с највeстима па се стао јавно пидни Кису *Аврамовићу* и *Ѕкоти Fergusonу*» (Šprolić 2011: 35).

суффикс (+ окончание)	русский подлинник	хорватский вариант
-ск + -ий	Му'соргский	Muso'rgski
-ой	Толсто'й	To'lstoj
-ов / -ев / -ёв	Багакирев	Balaki'rev
	Бары'шников	Barišnj'kov
	Булгаков	Bulgakov
	Герасимов	Gerasi'mov
	Голуно'в	Godi'nov
	Гончаро'в	Gončarov
	Горбачёв	Gorbačov
	Звягинцев	Zvjagin'cev
	Ивано'в	Ivanov
	Кала'шников	Kalašnji'kov
	Кафельников	Kafe'ljnikov
	Ко'зырев	Kozi'rev
	Ко'рсаков	Korsa'kov
	Крыло'в	Kri'lov
	Лавро'в	Lav'lov
	Лебедев	Lebe'dev
	Лермонтов	Lermon'tov
	Менделеев	Mende'ljejev
	Михалко'в	Mihal'kov
	Молотов	Moloto'v
	Писарев	Pisa'rev
	Попо'в	Popov
	Примако'в	Prima'kov

-ов / -ев / -ёв		
	Ради'шев	Radiš'ev
	Раско'льников	Raskol'nikov
	Рахма'нинов	Rahmanj'nov
	Салтыко'в-Щедри'н	Saltikov
	Ту'голев	Turo'lev
	Хрущёв	Hruščov
	Таги'шев	Tašičev
	Бахти'н	Bahtin
-ин	Бороди'н	Bo'rodin
	Гага'рин	Gagarin
	Карамзи'н	Karamzin
	Оне'гин	O'negin
	Печори'н	Pečorin
	Потёмкин	Potemkin
	Салтыко'в-Щедри'н	Ščedrin
	Абрамо'вич	Abra'movič
-ов- + -ич + 0	Войно'вич	Vo'jnovič
	Маге'вич	Ma'ljevič
	Ростро'пович	Rostro'povič

Второй задачей нашего анализа является анализ размещения ударений. На основе данного корпуса можно выделить две группы, насчитывающие только по одному примеру. Первая группа охватывает фамилии с суффиксом *-ск + окончание -ий* (Му'соргский — Muso'rgski), а вторая группа — фамилии с суффиксом *-ой* (Толсто'й — To'lstoj). Следующая группа образована с помощью суффиксов *-ов + -и*, с четырьмя примерами; следует группа фамилий, образованных при помощи суффикса *-и*, охватывающая восемь примеров, а также приводим самую большую по количеству фамилий группу, с суффиксами *-ов / -ев / -ля*, с тридцатью примерами (19 из них с суффиксом *-ов*, девять — с суффиксом *-ев* и два с суффиксом *-ля*).

В группе фамилий на *-ск + -ий* появляется как единственный пример — фамилия *Му'соргский*, которую в хорватском языке произносят неправильно — *Muso'rgski*. Речь идет о трехсложной фамилии, причем в русском языке ударение падает на первый слог, а в хорватском языке — на второй с левой стороны. Следовательно, ударение передвинулось на один слог назад: приведенное предложение представлено следующей схемой: Р: — — — — — → Х: — — — — —.

В группе фамилий, образованной с помощью суффикса *-ой*, находим также только один пример: фамилию *Толсто'й*, обретшую в хорватском языке форму

To'istoi. В случае приведенной двусложной фамилии передвижение ударения осуществилось в противоположном направлении; ударение перешло на первый слог: Р: — — — → Х: — — —.

В группе с суффиксами -ов- + -ич приведены четыре фамилии, две трехсложные и две четырехсложные. У фамилий с четырьмя слогами, *Абрамо'вич* и *Ростропо'вич*, ударение в хорватском языке передвигается на один слог к началу слова (*Абра'тович*, *Ростро'рович*), и представлено схемой: Р: — — — — — → Х: — — — — —. У трехсложных фамилий ситуация наблюдается тождественная ситуация: фамилии *Войно'вич* и *Мале'вич* в хорватском языке появляются в следующих формах: *Во'йнович* и *Мале'вич*, выраженных схемой: Р: — — — — — → Х: — — — — —.

В группе, состоящей из восьми фамилий с суффиксом -ич, приводятся две фамилии, состоящие из двух слогов, *Балти'ч* — *Ва'йтн* и *Щедри'ч* — *Ше'идн*. В приведенных примерах ударение с последнего слога русского слова в хорватском языке перемещается на один слог вперед, т. е. находится на первом слоге слева, ср. схему: Р: — — — — — → Х: — — — — —. Адаптация остальных шести трехсложных фамилий в хорватском языке реализуются по аналогичному принципу передвижения ударения — на один слог вперед. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что упомянутое правило применяется и в случаях фамилий с ударением на последнем слоге, и в случаях фамилий с ударением на среднем слоге, начиная с левой стороны слова.

Итак, выделяются два подтипа передвижения ударения. В первом подтипе ударение с последнего слога слова переходит на средний слог (Р: — — — — — → Х: — — — — —); пример *Карама'ч* — *Кара'тин*). Во втором подтипе ударение с последнего слога слова переходит на первый (Р: — — — — — → Х: — — — — —); пример *Вороди'ч* — *Во'родн*). В остальных фамилиях образованных с помощью суффикса -ич, ударение перемещается со среднего слога на первый слог слова, как в схеме: Р: — — — — — → Х: — — — — — (*Гада'рин* — *Га'вагн*, *Оне'тин* — *Оне'гин*, *Печери'ч* — *Пе'терн*, *Поме'кин* — *Ро'темкн*). Самую большую группу из 30-и фамилий, с суффиксами -ов/-ев/ -ев, можно подразделить следующим образом:

1) -ев — в этой подгруппе находятся две фамилии (*Горба'чев* — *Горба'тов* и *Хруще'в* — *Нин'шов*), а для обеих характерным является перемещение ударения с последнего слога слова на один слог к началу слова. То же самое происходит и в случае трехсложной фамилии *Горба'чев* — *Горба'тов*, ср. схему: Р: — — — — — → Х: — — — — —, и в случае двусложной фамилии *Хруще'в* — *Нин'шов*, ср.: Р: — — — — — → Х: — — — — —.

2) -ев — здесь насчитываем девять фамилий, две из которых образованы как четырехсложные и семь — как трехсложные. В четырехсложных примерах ударение передвигается следующим образом:

а) со второго слога на третий (передвижение к концу слова), речь идет о примере *Бала'кичев* — *Бала'кичев*: Р: — — — — — → Х: — — — — —;

б) с последнего (четвертого) слога на третий (передвижение к началу слова), см. пример *Менде'лев* — *Менде'чев*: Р: — — — — — → Х: — — — — —.

В группе с трехсложными фамилиями с суффиксом -ев приведено пять примеров со ступенчатой, представленной схемой Р: — — — — — → Х: — — — — —, т. е. ударение передвигается с начального слога на средний (*Зва'гинчев* — *Зва'гинчев*, *Коз'вичев* — *Коз'вичев*, *Лебе'дев* — *Лебе'дев*, *Пи'сарев* — *Пи'сарев*, *Ту'новев* — *Ту'новев*). Существуют и два примера, у которых ударение со среднего слога передвигается на первый: Р: — — — — — → Х: — — — — —, см. *Тамп'чев* — *Та'мпчев*, *Ради'чев* — *Ради'чев*.

3) В подгруппе фамилий с суффиксом -ов приведено 19 примеров. Три фамилии — двусложные (*Крыло'в* — *Кры'лов*, *Лавро'в* — *Лав'ров*, *Попо'в* — *Поп'ров*), а передвижение ударения происходит по схеме Р: — — — — — → Х: — — — — —, т. е. ударение с последнего слога передвигается на первый слог слова.

Приведенная группа состоит из десяти трехсложных фамилий. Здесь можно заметить пять тенденций передвижения ударения. Если ударение находится на последнем слоге, в хорватском языке оно передвигается на средний слог, по следующей схеме: Р: — — — — — → Х: — — — — —; речь идет о примерах *Годуно'в* — *Году'нов*, *Гончаро'в* — *Гонч'аров*, *Ивано'в* — *Ива'нов*, *Михайко'в* — *Миха'ков*, *Прмяко'в* — *Прмя'ков*. Если ударение размещено на первом слоге, в хорватском оно передвигается на средний слог, как в схеме: Р: — — — — — → Х: — — — — — (*Кор'скаков* — *Корса'ков*, *Дермотов* — *Дермо'тов*).

Следующие типы передвижения ударения представлены только одним примером:

а) с первого на последний: Р: — — — — — → Х: — — — — — (*Мо'лотов* — *Моло'тов*);

б) с последнего на первый: Р: — — — — — → Х: — — — — — (*Салты'ков* — *Салтик'ов*);

в) со среднего на последний слог: Р: — — — — — → Х: — — — — — (*Буца'ков* — *Буца'ков*).

Когда речь идет о шести четырехсложных фамилиях с суффиксом -ов, в пяти из них ударение передвигается по схеме Р: — — — — — → Х: — — — — — (*Бары'шников* — *Бары'шиков*, *Герасимов* — *Гераси'нов*, *Кали'шников* — *Калиши'ков*, *Раско'льников* — *Раско'льников*, *Рахма'нинов* — *Рахман'инов*), т. е. ударение переходит со второго на третий слог. Последний пример является и единственным примером передвижения ударения с первого на второй слог, но и это передвижение происходит в направлении конца слова: Р: — — — — — → Х: — — — — — (*Ка'фельников* — *Кафе'льников*).

Тенденции передвижения ударения в русских фамилиях в хорватском языке указывают на то, что ударение с последнего слога чаще всего передвигается на один слог вперед, к началу слова: Р: — — — — — → Х: — — — — —. Такой тип передвижения происходит во всех двусложных фамилиях, у которых ударение с последнего слога в русском языке передвигается на первый слог в хорватском языке. Тот же самый принцип проявляется и в трехсложных фамилиях, где в трех случаях в хорватском языке ударение передвигается на средний слог, а в двух случаях — на первый. В четырехсложных русских фамилиях только в двух случаях ударение передвигается с третьего на второй слог, т. е. на один слог вперед. Следовательно, можно представить следующую обобщенную типологию:

1) схема: Р: — — — — — → Х: — — — — —.

Если в русском языке ударение размещено на последнем слоге фамилии, в хорватском оно передвигается на средний или первый слог.

2) схема: Р: — — — — — → Х: — — — — —.

Если в русском языке ударение находится на первом слоге фамилии, в хорватском оно передвигается на последний слог.

3) схема: Р: — — — — — → Х: — — — — —.

Если в русском языке ударение находится на среднем слоге фамилии, в хорватском оно передвигается на первый слог.

В то время как 1-ая и 3-ья схема как будто ожидалась, из-за тенденции переноса ударения на основу слова в хорватском языке, 2-ая схема указывает на то, что перенос ударения происходит только из-за *потребности* переместить ударение.

В заключение можно сказать, что часть русских фамилий правильно адаптирована, в то время, как их большая часть — нет. Проблема адаптации не является исключительно языковым фактором, а и социальным. О языковом влиянии можно вести речь в случае примеров перемещения ударения с суффикса/конца слова на основу, так как в хорватском стандартном языке ударение почти никогда не падает на последние слоги. Социальными факторами сегодня считаем средства массовой информации и их влияние на статистическое членовка. Восприятие культурных и цивилизационных достижений русских и россиян в период СФР Югославии в Хорватии и в хорватском языке было на много правильнее и систематичнее. Общее явление англофонного влияния приводит к орфографической и фонологической адаптации русских фамилий в хорватском языке по образцу английского языка, а в итоге — к закреплению, что ударение в русских фамилиях в хорватском языке, в большинстве случаев, не совпадает с подлинным, русским.

Открытым остается вопрос, с языкового и социального аспекта, как научить носителей хорватского языка проверить произношение русских фамилий.

ЛИТЕРАТУРА

- Унбегалн 1989 — *Унбегалн Б. О. Русские фамилии*. Москва, 1989.
 Šečić 2008 — *Šečić Ž.* Россия и русский язык в мире хорватов // *Riječ*. 2008. № 14.
 Kizhtanovich 1837 — *Kizhtanovich I.* Grammatik der Kroatischen Mundart. Agram, 1837.
 Kuntović Vidča 2010 — *Kuntović Vidča I.* Корпни џакавски говори и околици Српља, Шибеника и Задрџа // *Prinosi hrvatskoj dijalektnoj fonologiji* / ed. M. Lončarić. Split—Zagreb, 2010.
 Lewis 2010 — *Lewis K.* Hrvatsko-ruski lažni prijatelji / *Doktorska disertacija*. Zagreb, 2010.
 Lončarić 1990 — *Lončarić M.* Kaj — jučer i danas. Oglеди o dijalektologiji i hrvatskoj kajkavštini (s katom najrečija i bibliografijom). Čakovec, 1990.
 Lončarić 1998 — *Lončarić M.* Kajkavsko najrečje. // *Hrvatski jezik. Najnovsze dizije jezuków slowiańskich*. / Ed. by M. Lončarić. Opole, 1998.
 Rorović, Trošinska 1988 — *Rorović M., Trošinska K. I.* O medijezičnoj (hrvatskosrpsko-ruskoj) homonimiji // *Radovi Zavoda za slavensku filologiju*. 1988. а23.
 Šimponović 2006 — *Šimponović P.* Hrvatska prezlmena. Zagreb, 2006.
 Šojat 2009 — *Šojat A.* Kvaiki naučik jezicnice hrvatske. Jezik slane kajkavske književnosti. Zagreb, 2009.
 Šrofić 2011 — *Šrofić M.* Reželio je zaigrati s najvećima pa se saeo javno puditi Rusu Abramoviću i Škoti Fergusonu // *Večernji list*, Obzor, 06. 07. 2011. Zagreb, 2011.
 Tafta 2011 — *Tafta B.* Kroatistička standardološka propitivanja // *Slavenski jezici u usporedbi s hrvatskim II.* / ed. D. Sesar. Zagreb, 2011.

Russian Surname Stress and Accents in Croatian

Željka Šečić, Kristian Lewis

The Russian surnames adaptation in Croatian language is analysed from cultural, phonological and morphological aspect. Analysis considers surnames of the eminent Russians — writers, politicians, athletes, and imaginary literary heroes. Stress and accent of the Russian surname differs from its Croatian version but certain rules, different from the original ones in Russian, exist in Croatian.

V. ПРОБАЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

Кристина Рамайчик

Лодзинский университет (Лодзь, Польша)

«*Чья хата с краденого?*» —

о фразеологической контаминации как реализации «фразеологии в движении»

Все рассуждения на тему фразеологии кладут в основу понятие фразеологического оборота. Определенное понимание фразеологической единицы обуславливает понимание всей фразеологии.

В поисках ответа на вопрос: «что такое фразеологический оборот?» начинающий лингвист обращается к авторитетам. В российской лингвистике до сих пор самым популярным является стереотипное понимание фразеологизма¹, выросшее из трудов академика Виктора В. Виноградова и распространяемое другими лингвистами — продолжителями виноградовской фразеологической мысли. Стереотип фразеологизма, намеренный Виноградовым, это устойчивое сочетание слов с метафорическим значением, не выводимым из значений компонентов, воспроизводимое в речи в готовом виде, образное и экспрессивное. Такое определение фразеологизма налицо присутствует во многих монографиях и учебниках.

Однако рядом с теорией Виноградова развивалось и т. н. поливановское течение (от имени русского лингвиста Евгения Д. Поливанова) (см. Chlebda 2003: 20-22). По словам польского лингвиста Войцеха Хлебды, замечания Поливанова, касавшиеся фразеологии, обосновывают считать его предшественником современных фразеологических концепций (см. там же: 20). Именно Поливанов в письмах от 20-30-ых годов XX века расматривает фразеологию в ситуационном контексте, в диалоте, что, как кажется, дает начало прагматической фразеологии (см. там же: 20-21). Зато сторонники Виноградова анализируют фразеологизмы вне контекста, в их словарном виде, пользуясь контекстом лишь для подтверждения своих положений.

В данной статье внимательно читателя предлагается прагматическая фразеология, выросшая из поливановского течения и исследуемая выдающимся польским лингвистом, упомянутым выше, Войцехом Хлебдой. Он образозал основы фразеологии, т.е. фразеологии говорящего, адресанта (см. Chlebda 1993, 2003), задавая вопросом, что в потоке речи говорящего является его собственной интенцией, а что он сознательно воспроизводит из ресурса языка.

Фразеология говорящего — это фразеология устных высказываний — диалогов, а также письменных текстов, прежде всего языка прессы, комментариев пользователей Интернета. Это фразеология, употребляемая в определенной ком-

¹ Данное определение дается за: Chlebda 2003: 30